

Г.В.Стрелкова

БУДДИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ХИНДИ

Буддизм, зародившийся в Индии в 6 в. до н.э. и спустя несколько веков покинувший ее пределы, чтобы превратиться в мировую религию, продолжает играть важную роль во многих сферах общественно-политической, экономической, религиозной¹ и культурной жизни Индии. Цель моего доклада – показать, каким образом темы, образы, сюжеты и идеи, связанные с буддизмом, отражаются в современной литературе хинди на протяжении нескольких десятилетий – начиная с 10-х годов XX века вплоть до сего дня, какие задачи ставят перед собой и решают писатели хинди, обращаясь к классическому буддийскому наследию.

Одна из первых, наиболее ярких фигур, классик литературы хинди Джаяшанкар Прасад в нескольких своих произведениях, написанных в разных жанрах (от романа и рассказа до драмы и поэзии), так или иначе трактовал идеи буддизма. Будучи человеком религиозным, исповедуя шиваизм, Дж. Прасад, несомненно, проявлял интерес и внимание к другим религиям, и к буддизму в особенности. Интересно проследить, каким образом герои его произведений выражают буддийские идеи, следуют им или отрицают те или иные краеугольные положения этой мировой религии. Примечательна эволюция отношения автора и восприятия героями Дж. Прасада буддизма, а также диапазон задач, решаемых автором с помощью буддийских мотивов. Если в рассказах 1912 г. («Ашока») и конца 20-30-х годов («Ураган», «Колонна чакравартина»²) герои являются выразителями нравственно-этических идей буддизма, то в драме «Один глоток»³ Дж. Прасад несколько иронично, а порой и гротескно рисует образ Ананда, проповедующего нечто, напоминающее буддийские идеи. В историче-

ских драмах Дж. Прасад обращается к эпохе зарождения буддизма и ко временам династии Гуптов, при которых буддизм был государственной религией, однако драматурга интересует в первую очередь не буддизм как таковой⁴, а идеи национально-освободительной борьбы и образ истинного правителя⁵. В последнем, незавершенном романе «Иравати» (1936), действие которого происходит в последние годы династии Маурья (2 в. до н.э.), отношение к последователям буддизма – преемникам и наследникам Ашоки, уже не отличающимся свойственной основателю империи веротерпимостью и состраданием к ближнему, – скорее отрицательное. Примечательно, что в поэзии Дж. Прасад обращается именно к образу Ашоки (поэма «Раздумья Ашоки»⁶).

Таким образом, Дж. Прасада буддизм интересует как религия, отличная от индуизма, и отдаленная эпоха его распространения в Индии, что создает дистанцию в восприятии и интерпретации буддийских мотивов. При этом писателя привлекает нравственно-этическое учение буддизма, веротерпимость и сострадание к ближнему, а образ действий последователей буддизма (будь он наивно-прямолинеен, как у Ананда или лицемерен и мелочно-эгоистичен, как у Брихаспатимитры в романе «Иравати») отталкивает. В произведениях Прасада буддийские мотивы дают возможность решить, помимо художественных, религиозные, этические и исторические задачи, стоящие перед автором.

Примечателен писатель следующего поколения – Рахул Санкритьян (1893-1963)⁷, чье настоящее имя Кедарнатх Пандей. Последователь вишнуизма, активист общества Арья самадж, принявший буддизм (поэтому и изменивший имя), после своей второй поездки в СССР в 1938 году стал активным коммунистом. Р. Санкритьян пропагандировал свои коммунистические взгляды в целой серии романов, которые он писал с 1940 года. Первый роман этой серии – «Ради жизни»⁸ – повествовал о судьбе социального реформатора, получившего образование в Англии, а по возвращении в Индию боровшегося с «от-

¹ Паломничество в Индию буддистов из многих стран мира, особенно Японии, является одной из статей дохода индийской экономики. Замечательно, что многие буддийские святыни часто восстанавливаются и на средства таких паломников (например, ступа в Сарнатхе, комплексы в Амаравати и близ Бхубанешвара).

² Букв. *Chakravarti ka stambh* (сб. «Эхо», 1926). Н.А.Вишневская, специально занимавшаяся творчеством Дж.Прасада, переводит название рассказа как «Колонна Ашоки» – см. Н.А.Вишневская, Е.П.Зыкова Запад есть Запад, Восток есть Восток. М., 1996, стр. 261

³ *Ek ghunt*, 1929. См. также Н.А.Вишневская Индийская одноактная драма. М.1964

⁴ При этом буддийская драма Д.Прасада «Аджаташатру» (1922) основана на джатаках, «Жизнеописании Будды» Ашвагхоши и некоторых пуранических преданиях.

⁵ См. *Вязников П.А.* Историческая драма Джаяшанкара Прасада. Дипломная работа. Научный руководитель Алиханова Ю.М. М., 1988.

⁶ *Ashoka ki chinta*.

⁷ См. *Н.Р.Th.Gaeffke* Hindi Literature in the Twentieth Century. Wiesbaden: Harrasowitz. 1978.

⁸ *Jne ke liye*, 1940 – с подзаголовком «политический роман», выдержал несколько изданий.

рицательным» заминдаром – владельцем земли, притеснявшем крестьян. От современности и автобиографизма⁹ писатель уйдет в прошлое, чтобы в нескольких романах интерпретировать индийскую историю в понятиях диалектического материализма. Первые два романа были опубликованы еще до достижения Индией Независимости, – в 1946 году: «Военачальник Синха» и «Да здравствует Яудхея». В первом рассказывается о командующем армией демократических личавов, который терпит поражение перед армией феодальной Магадхи, а затем становится последователем Будды. Будда изображается почти как предшественник Маркса. Во втором романе рисуется жизнь буддийской сангхи в 4 веке до н.э., и в интерпретации Р.Санкритьяна она напоминает коммунистическую партию. Последователи буддизма, яудхеи по происхождению, терпят поражение от Чандрагупты Викрамадитьи и его «капиталистических» брахманов. Р.Санкритьян описывает, как воинственные яудхеи предались более мирным занятиям, и полагает, что от этого племени произошли современные касты торговцев *агравал*, *растоги*, *шримал* и *освал*.

В определенном смысле судьба и творчество этого писателя сопоставимы с другим популярным писателем хинди той эпохи – Яшпалом, который также принимал активное участие в революционно-террористических организациях и был приговорен к строгому тюремному заключению. Подобно Р.Санкритьяну (так же как и Агъее, о котором будет сказано ниже), в тюрьме Яшпал и начал писать, обращаясь к разным жанрам – от книги по истории марксизма до идеологизированных прокоммунистических романов «Товарищ по партии» и «Предатель». Примечательно, что исторический роман Яшпала – «Дивья»¹⁰, события которого отнесены к временам распространения буддизма в Индии (даже определение жанра дается как «роман эпохи буддизма»¹¹), а точнее ко 2 в. до н.э., и происходят в княжестве Мадра, – это скорее «историческая фантазия», о чем уведомляет читателей автор в

⁹ Позже Р.Санкритьян вернется непосредственно к жанру автобиографии – в пяти томных мемуарах «Мое путешествие по жизни». Merl J Ivan уAtrA. Calcutta, Allahabad, Dilli 1950-1967.

¹⁰ YashpAl. DivyA. Lakhnau, 1954. Русский (коллективный) перевод вышел в издательстве Иностранной литературы в 1959 году. Яшпал.Дивья. Исторический роман. М.,1959

¹¹ В литературе хинди было принято сообщать читателю, какое произведение он будет читать: социальный, политический, исторический роман или «грустную историю жизни» и т.д. – сразу же после названия указывался жанр произведения.

предисловии к роману. Подобно Р.Санкритьяну, Яшпал проецирует на буддийскую эпоху понятия и представления эпохи увлечения марксизмом и повествует о судьбе брахманки Дивьи, которая вовлекается в «сословно-классовую борьбу» брахманов и вайшьев, а также низкокастовых, исповедующих индуизм, который, в свою очередь, противостоит буддизму, воспринимаемому почти как «демократическое движение». Последователи буддизма, несмотря на провозглашаемый ими догмат сострадания к ближнему, оказываются не готовы помочь «потерявшей касту», вынужденной стать танцовщицей Дивье, и ей отказано в пристанище в буддийском храме. А спасителем Дивьи становится последователь атеистического учения *чарваков* скульптор Мариш, напоминающий активных коммунистов, проповедующих материализм и безбожие.

Яшпал при написании романа обращался и к историческим, и археологическим памятникам, к помощи специалистов-историков, вдохновлялся фресками Аджанты, словом, пытался воссоздать в романе «дух эпохи». И роман действительно яркий, красочный, с увлекательной любовно-приключенческой интригой, написан с преобладанием санскритизмов, чтобы и в языковом плане отразить то далекое и почти неведомое прошлое, при этом понятия «рабство, совет республики, верховный суд» звучат анахронизмами¹². Сравнивая произведения Р.Санкритьяна и Яшпала, можно отметить использование буддийских мотивов прежде всего для выражения вполне определенных, вдохновленных учением Маркса о классовой борьбе, идей.

Агъей, чье настоящее имя Саччидананда Хирананда Ватсьяна, взял этот литературный псевдоним («Неизвестный, неведомый, непознанный») в тюрьме, куда он тоже попал по обвинению в терроризме, и начало его литературной деятельности также относится к концу 30-х – началу 40-х годов. В отличие от Яшпала и Р.Санкритьяна, в творчестве которых современные им литературные критики усматривали приверженность идеалам критического реализма, Агъей часто обвинялся в «формализме, экспериментаторстве»,

¹² Следует однако отметить, что подобные термины используются и в современных исследованиях, посвященных буддизму, например, в книге *Т.В.Ермаковой и Е.П.Островской* «Классический буддизм», Ст.Петербург, 1999 говорится: «Более поздняя буддийская традиция называет его /отца Сиддхартхи Гаутамы – Шуддходана/ раджей – царем, а Сиддхартху – принцем, хотя в стране Шакьев правление строилось по республиканскому принципу, если судить на основании ряда разных источников.» (стр.10)

проповедовании идеи «искусства ради искусства», словом, его творческие взгляды казались противоположными последователям «прогрессивной литературы», объявлялись «упадническими». Однако Агъейю также интересовал буддизм, но прежде всего как философия, и преимущественно буддистская концепция времени. В романе «Острова на реке»¹³, в одноименном стихотворении из сборника «Восток» и некоторых стихотворениях на буддийские темы («Жертвоприношение императрицы» и др.¹⁴) звучат явные реминисценции из Дхаммапады, исследуется психология человека, ощущающего жизнь как череду страданий, прервать которые возможно лишь отрешившись от привязанности к бренному миру. Еще более явно интерес к буддийской философии, а также тема одиночества (воспринимаемого и в экзистенциальном смысле¹⁵) проявляются в последнем романе Агъеи «Сами себе чужие»¹⁶. При этом Агъей сознательно противопоставляет то, что с его точки зрения является именно индийской трактовкой философских и нравственно-этических понятий ведантизма и буддизма, – западной. Две главные героини этого небольшого произведения – Йоко и Сельма – решают самый важный вопрос: противостояние жизни и смерти, и обе уходят из жизни, сделав сознательный выбор, и обретают истину в Боге. Сельма, старшая, покидает сей мир успокоенной, лишенной страха и привязанностей, по-буддийски отрешено. Иное происходит с Йоке, охваченной страхом, стремлениями, желаниями, и выпивающей яд, чтобы прервать свои страдания, преимущественно духовно-нравственные.

Знаменательно, что в финале романа, действие которого происходит где-то в Европе во время Второй мировой войны, неожиданно появляется индеец Джаганнатхан (примечательно имя – «Владыка мира»), на руках которого и испускает дух Йоке (незадолго до этого сменившая имя на «Мария»), а безумный старец-прохожий успева-ет осенить ее крестным знаменем.

Таким образом, Агъей использует буддийские мотивы и образы в первую очередь для решения сложных философских проблем,

¹³ Agyeu. Nadl ke dvlp. Benares, 1951

¹⁴ Agyeu. Sunahale shaivAl. Delhi, 1966

¹⁵ См. С.М.Эминова «Традиции и новаторство в современном романе хинди». М.1987. с.54

¹⁶ Agyeu. Apne apne ajanabI. Varanasi. 1966

постижения концепции времени, а также для осознания различий в мировоззрении Востока и Запада.

Мохан Ракеш, рано ушедший из жизни младший современник рассмотренных выше писателей хинди, обращается к теме буддизма в драматургической форме. Его драма «Лебеди на волнах»¹⁷ является современной интерпретацией классического сюжета, известного по поэме Ашвагхоши «Прекрасный Нанда». Используя иную жанровую форму, другой язык (хинди, а не санскрит), прозаическую форму – в отличие от поэтической, М.Ракеш выражает с помощью классического буддийского сюжета (о сводном брате Будды Нанде, который оставил свою прекрасную и любимую супругу Сундари, чтобы отречься от мирской жизни, став учеником и последователем Будды) вечные и несмотря на это звучащие вполне современно идеи. Это проблема взаимоотношения мужчины и женщины, противостояния любви и отрешенности, нравственного и этического выбора. Иными словами, решается литературная задача создания современной драмы, исполненной современных идей, выраженных современным языком, и неразрывно связанной с богатейшей индийской духовной и литературной традицией.

Буддийские мотивы привлекают внимание писателей хинди и сегодня. При этом можно условно выделить два полюса: это так называемая «далит сахитъя» (букв. «литература подавленных, притесненных») и то, что в западной литературе определяется термином «mainstream». Литературное направление «далит сахитъя» возникло в Махараштре в середине XX века, после достижения Индией независимости, когда прежде притесняемые низкокастовые и внекастовые представители индийского общества получили право на нормальную человеческую жизнь, образование, работу (выделялись квоты для т.н. «scheduled castes»).

В 50-е годы под влиянием и по призыву доктора Амбедкара более миллиона маратхских низкокастовых приняли буддизм, чтобы поднять тем самым и свой социальный статус, в результате они стали в оппозицию традиционному индуизму. Многим удалось получить образование, они, прежде «безгласные», обрели голос – и возможность писать о страшном жизненном опыте, собственном и своих

¹⁷ Mohan Rakesh. Lahron ke rAjahans. N.D., 1965

предков. Писали они на маратхи¹⁸, а позже подобная литература появилась и на других индийских языках, на хинди в том числе. Литература далит обладает рядом специфических особенностей – и в форме, и в содержании – выборе тем, и в языке (многие писатели «далит» используют арго, а часто и обсценную лексику¹⁹). Однако самое главное – эта литература, как правило, политизирована. Писатели далит решают в первую очередь социально-политические и идеологические проблемы, что, с одной стороны, объяснимо условиями возникновения этого литературного направления, но с другой – многие произведения воспринимаются как маргинальные или же «памфлеты» и обличения. Эти произведения звучат и агрессивны, что в корне противоречит самому духу буддизма, при этом буддизм предлагается в качестве «идеологической основы», противостоящей индуизму, засилью брахманов. Нестановительно на многочисленных съездах²⁰ и конференциях представителей *далит сахитья* продаются не только их произведения, но и книги по буддизму, учебники и самоучители языка пали. До определенной степени, с точки зрения идеологизированности, произведения *далит сахитья* можно сопоставить с романами Рахуля Санкритьяяна и Яшпала, в которых словесное искусство часто пасовало перед активным натиском революционных идей.

Что касается литературы в более привычном смысле этого слова, то показателен рассказ Кришны Балдева Вайда «Жена Бодхи-

¹⁸ Наиболее известные из них – Нараян Сурве, Намдев Дхасал, Лакшман Мане и другие.

¹⁹ Следует при этом отметить, что поэзия «далит» поэтов – например, Суджаты Синх, Кишвар Нахид, Раджани Тилак и многих других написана в соответствии с нормами литературного хинди, однако ведущая тема – тяготы жизни и постоянная борьба за существование и отстаивание собственного достоинства. Примечательно, что представители этого литературного направления с особым чувством празднуют Международный день 8 марта.

²⁰ В январе 1996 года в Дели состоялась Первая всегосударственная конференция писательниц «далит». В апреле 2002 года в здесь же прошла Первая конференция Союза «далит» писателей, в качестве Главного гостя был приглашен признанный писатель хинди Раджендра Ядав, который в последнее время воспринимается как автор «скандальных» произведений. У этого до определенной степени маргинального Союза писателей есть свои печатные органы – например, газета «Абхимукнаяк», в которой обсуждаются злободневные политические вопросы, связанные прежде всего с притеснением низкастовых, но и публикуются новые произведения малой формы.

саттвы»²¹. Как и Мохан Ракеш, этот живой классик, признанный мэтр современной литературы хинди обращается к традиционному сюжету, известному по «Океану сказаний» Сомадевы, но использует не драматургическую форму, а сказовую манеру повествования, ведя стилизованную беседу со своим читателем. Беседа эта пронизана тонким юмором и совершенно новым духом времени, когда старинная история о неверной жене звучит почти как монолог искреннего сторонника феминизма. К.Б.Вайда волнует и восхищает не только то, что герой рассказа Бодхисаттвы преисполнен сострадания и готовности жертвовать собой ради ближнего, но писателя интересуют и чувства женщины, которой уготована судьба жены «отрешившегося от мира» и у которой есть свои собственные желания и представления о должном и недолжном.

В литературе, созданной в традиционном патриархальном обществе, на первый план выступил бы вопрос о наказании блудницы, пытающейся погубить своего добродетельного супруга, и в справедливости этого наказания никто бы и не усомнился. А современный писатель обращает внимание на то, что даже после жестокого наказания героиня, безымянная жена Бодхисаттвы, счастлива со своим избранником-калекой, а в финале рассказа автор задается вопросом, почему Бодхисаттвы прервал свойственное ему состояние «отрешенности» и позволил себе месть, изменив тем самым свой природе. К.Б.Вайд при этом не навязывает читателю никаких выводов и готовых решений – он почти играет с ним, давая ему возможность самому решить, кто прав, кто виноват, но это изящная литературная игра, которая отнюдь не умаляет важности и значимости поднятых в рассказе проблем.

Таким образом, на протяжении многих десятилетий литература хинди так или иначе обращается к идеям буддизма, прежде всего к представлению о том, что мир – это непрерывная цепь страданий, порожденных человеческими желаниями и страстями, и для того, чтобы их прервать, есть открытый Буддой восьмеричный благородный путь. Однако главное для писателей хинди – не проповедь буддизма, поскольку это было сделано за много веков до них и продолжает совершаться за пределами Индии. Они обращаются к своему духовному наследию, которое интерпретируется, переосмысливается, наполняется новым, современным содержанием, в соответствии с духом времени, – то есть продолжает оставаться живым и действенным, и на первый

²¹ Krishna Baldev Vaid. Bodhisattv kii biivii. National Publishing House. Jaypur.2001P.1-11

план, как правило, выступает чувство сострадания и гуманизма – самое главное, чем может гордиться любая литература.